

СУЛТАНГАЛИЕВА Г.С.,
д.и.н., профессор кафедры История Казахстана КазНУ им. аль-Фараби

ДИСТАНОЧНЫЕ И МЕСТНЫЕ НАЧАЛЬНИКИ В УПРАВЛЕНИИ КАЗАХАМИ ОРЕНБУРГСКОГО ВЕДОМСТВА: ФУНКЦИИ, НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIXВ.

Основной тенденцией развития современной отечественной исторической науки является стремление переосмыслить с новых методологических позиций исторические источники, разнообразные по своему содержанию и значимости. Смена методологических векторов повлияла и на научный интерес к изучению социокультурных тенденций в развитии региона, местного звена управления в казахском кочевом обществе XIXв. Одним из этих звеньев управления казахами Оренбургского ведомства стали дистанционные начальники, стоявшие во главе новых территориально-административных структур – дистанций (административные участки между двумя крепостями), введенные в 1831 году по инициативе Оренбургского военного губернатора, графа Павла Петровича Сухтелена (1830-1833), за внедрение этого проекта оренбургский губернатор был награжден орденом Св. Александра Невского 9 апреля 1832 года [1,с.199].

Введению так называемой системы «дистанционного» управления на территории Младшего жуза способствовал комплекс причин: неразработанность законодательства 1824 года, необходимость ежегодного системного учета количества кибиток и численности казахского населения, отсутствие механизмов по урегулированию взаимоотношений между приграничными жителями и кочевниками, потребность региональной администрации изучения производительных сил региона и выявления дальнейших маршрутов продвижения русских войск в направлении Средней Азии.

Введение дистанционной системы управления разделило территорию Западной, Средней и Восточной части Младшего жуза на прилинейные и степные дистанции. Наибольшее количество прилинейных дистанций было образовано в силу географического расположения в Средней части (13)

и Западной (8). Наибольшее количество степных дистанций находилось в Восточной части, их число доходило до 21-й. Степные дистанции уступали по численности хозяйств, но превосходили по обширности кочевых участков. [2,с.210-215]. Такое административное деление Степи на дистанции обеспечивало более эффективную реализацию управленческих функций региональной российской администрации в Степи.

Каждую дистанцию возглавлял представитель казахской знати (султаны, бии, старшины) и именовался дистанционным начальником, представляя низовое звено в системе управления казахами Оренбургского ведомства. В казахстанской историографии практически не изучен принцип создания дистанций, формирования казахских управленцев через призму деятельности дистанционных начальников. Во многом это объясняется тем, что в исторической науке больше уделялось внимание так называемому верхнему этажу административного аппарата (уезд, губерния), который находился почти исключительно в руках русского чиновничества, в то время как представители казахского населения в основном были представлены в низовом звене управления (дистанции, волость, аул).

Необходимость изучения дистанционной системы управления в Степи в первой половине XIXв. указывает и тот факт, что внутри каждой дистанции, напротив каждого форпоста или между крепостями образовывалась своеобразная административно-территориальная единица, возглавляемая местными начальниками из «почетных» казахов. Создание новых мелких территориальных структур внутри дистанции, новых должностей (местных чиновников)

ставит новые задачи изучения не только имперских практик управления в регионе, но поднимает новый пласт персоналий в новой истории Казахстана, выявляет роль новых управленцев в Степи. К сожалению, в учебниках по истории Казахстана этот аспект практически не освещен, хотя документальные материалы, аккумулированные в центральном государственном архиве Казахстана, требуют их нового прочтения и изучения деятельности местных

и дистанционных начальников, степень их взаимодействия с российской региональной и центральной властью, между собой и с султанами правителями. Исходя из этого, задачей доклада является ряд вопросов, а именно раскрытие механизма назначения региональной администрацией дистанционных и местных начальников, их функциональные обязанности, взаимодействие с представителями российской власти и казахским населением.

30-м годам XIX в. дистанционные и местные начальники стали новой социальной опорой российской власти на пограничной линии для «наблюдения за порядком», «скорейшего доставления сведений обо всем случившемся» и «... исполнения предписаний начальства» [3]. Их «заметное влияние» на подведомственных казахов и «усердие» нужны были для тактических действий правительства по продвижению вглубь Степи. Региональные власти понимали, что только представители родовой знати, зная кочевой быт и места дислокации каждого рода, могут осуществить основную функцию - сбор кибиточной подати с казахского населения. Тем более, что казахи, останавливались против определенной крепости только на несколько зимних месяцев, а в весенне-летний период уходили за границу учрежденных дистанций согласно традиционным маршрутам кочевания. Исходя из этих соображений, Председатель Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф.Генс разработал «Особые правила», ставшие руководством в практической деятельности дистанционных и местных начальников, урегулирования их сфер занятий [4, с.210-215]. В них четко была определена вертикальная система подчиненности дистанционных начальников пограничной власти и султанам-правителям. Дистанционные начальники в соответствии с номером своей дистанции подчинялись командиру линейной дистанции (коменданту крепости), против которой располагались казахские кочевья, султану-правителю той части, на территории которой располагалась дистанция, Местные начальники определенной дистанции подчинялись дистанционному начальнику и султану-правителю. Все они были подотчетны перед председателем Пограничной комиссии и Оренбургским военным губернатором. При получении предписания непосредственно от султана-правителя, Пограничной комиссии или от оренбургского военного губернатора начальники должны были исполнять их «неукоснительно».

Функциональные обязанности дистанционных и местных начальников в принципе совпадали, каждый выполнял свою службу на вверенной ему территории. Они должны были отслеживать поведение своих соплеменников и удерживать от всяких «неприятных поступков» против линейных жителей, ибо все являлись «поданными одного государства», а в «случае междоусобных ссор и обид» изыскивать меры к их «примирению». Но в каждом случае «неповиновения» должны были оперативно докладывать и представлять виновных пограничному начальству. Кроме того, они контролировали, чтобы никто самовольно не поселился вдоль линии без их «сведений» и согласия пограничного начальства и имели право выслать своего соплеменника «..от вверенного им пространства», если он «..по каким бы то ни было причинам, не хотел или не признавал русскую власть».

В «Правилах» устанавливалась процедура принятия решений начальниками. Им строжайше запрещалось рассматривать иски местного населения без предписаний председателя Пограничной комиссии. При получении от подведомственных им казахов жалоб на линейных жителей, дистанционные и местные начальники должны были своевременно извещать пограничные власти, в противном случае они подвергались взысканию по всей

строгости общероссийских законов [4, с.212].

Механизм утверждения дистаночных начальников на должность включал несколько этапов. Во-первых, кандидатуры на должность дистаночных начальников представляли в Пограничную комиссию султаны-правители соответствующих частей. При этом в своих ходатайствах они обычно отмечали та-кие качества, как «усердие к службе, способности, расторопность и отлично-хорошее поведение» [5, с.75]. Затем оренбургская администрация, изучала полные данные претендента и считала, что нужна постепенность и последовательность «дабы выбор мог пасть на людей достойных и благонадежных».

К назначению той или иной кандидатуры на должность дистаночного или местного начальника они подходили взвешенно и осторожно. Одними из ярких примеров такого подхода являли собой султаны Асфендияр Сюгалин и Муртазагали Узбекгалиев – претенденты на должности начальников дистан-ции. Свои мнения об этих султанах представили в 1848году три советника Оренбургской пограничной комиссии: И.М.Бикмаев, П.П.Ванев, К.О.Каминский. Они были единодушны в том, что А.Сюгалин и М. Узбекгалиев «русскому правительству преданы, как все султаны, кочующие при линии и занимаю-щие должности» [6, лл.2-5об.].

Следующий пример обсуждения кандидатуры на должность начальника 22 дистанции может служить переписка между султаном правителем Восточной части, попечителем Троицкой дистанции и Оренбургской пограничной комиссии. Так, попечитель Троицкой дистанции Жуковский считал, что зауряд –хорунжий Танаткан Самаевобладал всеми полезными качествами, которые «необходимо в должностном лице»изаслуживал того, чтобы занять место дистаночного начальника и полностью разделял мнение подполковника М. Джантюрина о необходимости иметь в 22 дистанции начальником Самаева, как человека опытного и энергичного. В то время как региональная администрация не считала возможным назначение этой кандидатуры на должность дистанционного начальника « из-за неблагоприятных поступков» на прежней должности, а именно управляющим родом кирей [7, л.563.].

Следующий фактор, определяющий выбор той или иной кандидатуры на должность дистанционно-го начальника, включал такие особенности, как лидерские качества претендента, а именно степень вли-яния на своих соплеменников, умение убеждать, объяснять и направлять настроение подведомствен-ных ему казахов к принятию «верного» решения. Не случайно о начальнике 48-й дистанции Алдимбай Байгузине, прослужившем на этой должности одиннадцать лет, Оренбургская администрация писала, что «...дар слова на общественном сборе и в других делах, принесли существенную пользу» в выпол-нении им своих обязанностей [8, л.2об].

Прекрасное знание обычаев казахского народа, ум, ораторское искусство позволили начальнику 27 дистанции Восточной части казахов Оренбургского ведомства Наурузбай Казыбаеву, по мнению чиновника И.Я.Осмоловского, иметь «...огромное влияние» на подведомственное ему население [9, с.149-150.] Советник Оренбургской Пограничной комиссии К.О.Каменский, описывая деятельность Муртазагали Узбекгалиева, начальника 1-й дистанции, подчеркивал, что он имел влияние настолько сильное, что уважали и прислушивались его наставлениям и не подведомственные ему казахи [10, с. 84-85].

В некоторых случаях кандидатура, предлагаемая султанами –правителями, не утверждалась реги-ональной администрацией. В частности султан Кулмухамед Баймухамедов был предложен султаном-правителем Западной части Мухамедгали Тяукин на должность начальника 31-й дистанции. Данная

креатура М.Тяукина была отклонена из-за отсутствия опыта управления у К.Баймухамедова, огромной территории этой дистанции и многочисленности населения [11, с.78-79]. На это

мнение региональной администрации султан-правитель М. Тяукин предложил разделение огромной территории 31 дистанции на три новые структуры в соответствии с кочевьями трех многочисленных родов (кете, ожрай и тазлар) и соответственно назначить султана Сугурали Сугалина на должность дистанционного начальника, включавшего территорию кочевания рода ожрай; султана Кулмухамета Баймухаметова начальником в управлении родом кете; султана Исенали Абдулмукминова родом тазлар. Султан правитель мотивировал тем, что Оренбургская Пограничная комиссия не могла найти кандидатур «достойных» на должность начальника 31 дистанции, однако «для пользы службы» и своевременного сбора киби-точной

К подати желательнее решить этот вопрос [12, с.79-80].

Механизм назначения местного начальника был практически аналогичным с процедурой назначения дистанционного начальника. Исключением являлся тот факт, что кандидатура местного начальника согласовывалась в первую очередь с дистанционным начальником, затем султаном-правителем и утверждалась председателем Оренбургской пограничной комиссии. Несогласованность действий и отсутствие соподчиненности между местным и дистанционным начальником могло послужить причиной отставки от должности местного начальника. К примеру, начальник 34 дистанции султан Исемгазы Бабаин в 1863 году ходатайствовал перед оренбургской администрацией об отстранении от должности местного начальника Байжана Бигенева и замене «другим благонадежным и добросовестным ордынцем» и самое главное этот факт, позволил бы ему выйти «из затруднительного

К положения по службе» [13, л.383-386].

На каждого дистанционного начальника составлялся формулярный (послужной) список, который включал все данные, характеризующие чиновника, и отражал процесс кооптации казахов на службу Российской империи и включения их в единую систему учета государством. Важным подспорьем в исследовании формулярных списков стало издание по программе «Культурное наследие» РК сборника документов «О почетнейших и влиятельнейших ордынцах» в серии «История Казахстана в русских источниках» (2006), аккумулировавший послужные и формулярные списки казахов Оренбургского, Сибирского ведомств, Степного генерал-губернаторства. [14] Во вторую часть этого сборника вошли более двадцати формулярных списков дистанционных и местных начальников. Особенностью этих списков является то, что региональная администрация, учитывая специфику казахского кочевого общества, включила в послужные списки еще один пункт, а именно сведения о местах зимних и летних кочевок казахов. Так, в послужном списке начальника 15 –й дистанции Средней части Орды Дербисали Беркимбаева (1838 -25.XI.1913), записано место зимних и летних пастбищ

К подведомственного ему населения дистанции [15, л.2] .

Важной строкой в послужных списках были получаемые награды чиновниками. Не случайно, российское правительство при назначении на должность обещало, что «не оставит без воздаяния» различного характера вознаграждений и чинов, но только при условии «... усердного служения» [16, с.395]. Кроме того, послужной список включал награды, получаемые и за выполнение специальных поручений, исходящих от региональной власти, за своевременное информирование о происходящих событиях в кочевьях и т.д. Таким образом, на дистанционных и местных начальников были распространены стандарты общероссийского

К делопроизводства.

Опираясь на эти источники можно реконструировать основные направления деятельности казахских служащих, определить их происхождение, образование, награды, имущественное положение и т.д. Послужные списки позволяют отследить и тот факт, что с середины 50-х годов XIXв. на должности дистанционных начальников стали утверждать лиц, окончивших школу для казахских детей при Оренбургском правлении. Одним из таких примеров явился Тохтамыш Косваков, выпускник школы 1850г., начальник 57-й дистанции с 1860 года [17, л. 1-4] .

К

Систематичность и стандартизованность информации формулярных списков, составлявшихся на дистанционных начальников в течение трёх десятилетий (1831-1868 гг.) позволяет воссоздать не только общий «портрет» управляющего подведомственной дистанцией, выяснить их служебное, семейное, имущественное положение, но и вернуть из исторического забвения сотни имён конкретных представителей национальной элиты со всеми их достоинствами и недостатками.

К Должности дистанционных и местных начальников соответствовали воинским чинам регулярных (прапорщик, поручик, капитан, майор, подполковник, полковник и т.д.) и иррегулярных (зауряд-хорунжий, зауряд-сотник, зауряд-есаула) войск. Зауряд-чины присваивались генерал-губернатором Оренбургской губернии. Лица, имевшие эти чины, становились действительными офицерами. Так, 23 июля 1848г. начальнику 53 дистанции был присвоен чин есаула «за усердную службу, преданность русскому правительству и благоразумное управление кочующим близ Оренбургского укрепления ордынцами», местному начальнику против Веринской станицы Каумен Алдиярову был присвоен чин хорунжего 8 июня 1853 [18, лл. 306-307]. Эти примеры являли собой пример того, как представители казахской знати постепенно включались в состав «официальной» российской местной элиты на правах зауряд-чинов, при сохранении прежнего социально-экономического статуса внутри казахского кочевого общества.

Введение дистанционной системы управления в Степи создало новые должности для представителей казахской элиты (султанов, биев и старшин) с жалованием от 50 до 75 рублей и расширило сферу административного контроля над казахским населением [19, л.1-4]. Кроме того, при дистанционных начальниках вводилась должность письмоводителя, занимавшегося вопросами делопроизводства. Должности дистанционных начальников просуществовали до введения административных реформ 60-х годов XIXв.

Литература

1. Губернаторы Оренбургского края. - Оренбург.1999.
2. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. - М., 1997.- 416с.
3. ПСЗ РИ.- Т.12. - № 10384.
4. Материалы по истории политического строя Казахстана. - Алма-Ата., 1960. - Т.1.-440с.
5. О почетнейших и влиятельнейших ордынцах //История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв. Т. VIII .Ч.2. - Алматы. 2006. – 962 с.
6. ЦГА РК ф.4 оп.1 д.2500
7. ЦГА РК ф.25 оп.2 д.74.
8. ЦГА РК ф. 4 оп1. д.4413.
9. О почетнейших и влиятельнейших ордынцах //История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв. Т. VIII .Ч.2. Алматы. 2006. – 962 с.
10. О почетнейших и влиятельнейших ордынцах //История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв. Т. VIII .Ч.2. Алматы. 2006 .– 962 с.
11. О почетнейших и влиятельнейших ордынцах //История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв. Т. VIII .Ч.2. Алматы. 2006 .– 962 с.
12. О почетнейших и влиятельнейших ордынцах //История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв. Т. VIII .Ч.2. Алматы. 2006 .– 962 с.
13. ЦГА РК ф. 4 оп1. д.4413.
14. О почетнейших и влиятельнейших ордынцах //История Казахстана в русских

источниках XVI-XX вв. Т. VIII в двух частях. - Алматы: Дайк-Пресс, 2006.

15. ЦГА РК ф.25 оп.2 д.104.
16. Добромыслов А. И. Тургайская область. Исторический очерк.- Тверь.: 1902. Т.2.
17. ЦГА РК ф.4 оп.1 д.3104 л.1-4
18. ЦГА РК ф. ф.4 оп.1 д.4443
19. ЦГА РК ф.4 оп1. д.3104

